

УДК 94(47).083

ИГРА ПО ЮРИДИЧЕСКИМ ПРАВИЛАМ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕСТЬЯНАМИ НАЧАЛА XX В. ЮРИДИЧЕСКИХ ТОНКОСТЕЙ В БОРЬБЕ ЗА СВОИ ИНТЕРЕСЫ (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами)

Алексей К. Кириллов^{1, 2, @1}, Анастасия Г. Каравая^{3, @2}

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

² Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

³ Государственный архив Томской области, Россия, 634009, г. Томск, ул. Водяная, 78

@1 alkir.nsk@gmail.com

@2 anast@post.tomica.ru

Поступила в редакцию 11.11.2016.

Принята к печати 29.12.2016.

Ключевые слова: Столыпинское переселение, приёмный приговор, полетки, крестьянское правосознание, конфликты старожилов и переселенцев.

Аннотация: Статья вносит вклад в изучение разрыва между высшими и низшими сословиями российского общества начала XX в. Предметом изучения в данном случае является отношение крестьян к закону, изучаемое на одном из наиболее ярких примеров старожильческо-переселенческих конфликтов по ходу "столыпинского переселения". Авторы ставили целью установить готовность или неготовность крестьян отстаивать свои интересы с использованием юридических лазеек, позволяющих обходить действующее законодательство. Для этого были использованы материалы дела, отложившегося в фонде Томского губернского управления Государственного архива Томской области. Его документы представляют и точки зрения обеих борющихся сторон (старожилы и переселенцы), и мнение местной власти (крестьянский начальник), и мотивированное решение губернских властей. В сочетании с анализом законодательства и опыта других подобных дел это позволяет за формальным предметом противоборства (арендная плата за право иметь усадьбу в с. Ново-Шульбинском), увидеть действительную подоплёку (стремление старожилов сохранить свои пахотные наделы). Приводимые авторами факты позволяют сделать вывод о том, что борьба вокруг усадеб была лишь юридически грамотным оформлением борьбы вокруг пахотных земель. Полученный результат позволяет исправить существующую недооценку готовности российских крестьян, выросших после отмены крепостного права, отстаивать свои интересы с использованием действующего законодательства.

Для цитирования: Кириллов А. К., Каравая А. Г. Игра по юридическим правилам: использование крестьянами начала XX в. юридических тонкостей в борьбе за свои интересы (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 43 – 49. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-43-49.

Российское общество начала XX в. – общество, на три четверти состоящее из крестьян и в ещё большей степени опирающееся на крестьянское мировоззрение. Понять, что такое русский мужик, оторвавшееся от деревни высшее общество стало пытаться по крайней мере с эпохи отмены крепостного права. Огромная литература о крестьянах, деревенской жизни, русской общине, накопленная за полвека капиталистической России, стала широко доступна теперь благодаря цифровым технологиям и подвижности крупных библиотек, российских и зарубежных. Львиная доля этой литературы опирается на исходное представление авторов о том, что крестьяне – это особый (низший) мир, резко отличный от просвещённого общества. Наблюдения немногих авторов вроде А. Н. Энгельгардта или Н. М. Астырева, сумевших сжиться с народом и показать крестьянскую жизнь во всём разнообразии человеческих типов, прошли мимо

сознания читателей – даже если и произвели фурор в качестве литературных произведений. Мощная советская традиция изучения общественного сознания дореволюционного крестьянства дала ряд исследователей, уважительно относившихся к крестьянской культуре, крестьянскому восприятию жизни. Однако до сих пор остаётся насущной задачей дело "реабилитации" крестьян как части общества, по степени развитости по меньшей мере не уступающей высшим сословиям.

Случай, о котором пойдёт речь в данной статье, касается использования крестьянами законов. Удивительное открытие было сделано советскими историками, изучавшими крестьян XVIII – XIX вв. Оказалось, что российские крестьяне знали законы и умели ссылаться на них в своих обращениях к начальству.

Одно из первых, если не первое, краткое упоминание о том, что крестьяне XVIII в. в своих жалобах ссылались

на указы Петра I, "пытаясь показать, что действуют не против государства, а наоборот", принадлежит П. К. Алефиренко [1, с. 293]. Более обстоятельно эта тема развита Д. И. Раскиным в статье 1979 г., излагающей результаты кандидатской диссертации, защищённой в 1976 г. [2, с. 179 – 192]. Внимание автора привлекает тот факт, что крестьяне в своих челобитных ссылаются на законы, цитируют их, применяют в свою пользу. Правда, это касается главным образом преамбулы, в которой царь объясняет смысл указа – указывает, на искоренение какого зла он направлен. Ясно, что если в преамбуле говорится про направленность закона против "великих неправд" и "грабительства" и стремлении искоренить "неправедные бедственные всенародные тягости", то такую цитату можно использовать в жалобе по любому поводу – что и делали крестьяне. При этом Д. И. Раскин отмечает, что юридическая риторика крестьян легко отбивалась противной стороной, которая находила в действующих законах не меньше оснований для закрепостительной риторики. "Поэтому не нарушающее букву закона обращение крестьян с челобитьем в государственные учреждения со ссылками на государственные законы зачастую вступало в противоречие с практикой крепостного права и бюрократического государственного аппарата" [2, с. 188].

То, о чём пишет Д. И. Раскин, можно назвать идеологической стороной дела. Крестьяне, пытаясь чего-то добиться от государственной власти, проявляют готовность следовать государственной же идеологии, изложенной в манифестах и указах. Практическая полезность этого сомнительна: фактическая подоплёка жалобы, противоречащая интересам представителей государства, легко отделялась от идеологического обоснования, и решение, как правило, принималось не в пользу крестьян. "С сильным не борись, с богатым не судись": чтобы жалоба против чиновника была удовлетворена начальником этого чиновника, нужно нечто большее, чем соответствие формальной логике.

М. М. Громыко, канонизировав выводы Д. И. Раскина в своей известной обобщающей работе [3], в то же время внесла существенные дополнения. Один из разделов этой книги, в которую она вложила не только душу, но и богатый опыт работы с крестьянскими документами, назван "Крестьянин и закон". Здесь Марина Михайловна подчеркнула знание и использование крестьянами не только общих деклараций, но и частных норм: "Крестьяне, выступавшие ходатаями по делам своих общин в разных инстанциях, как правило, неплохо ориентировались в законодательстве по ряду вопросов, касающихся земельных отношений, повинностей и других" [3, с. 151].

Подытоживая свой опыт изучения "вольнонародной колонизации" Сибири, М. М. Громыко высказала предположение об особой юридической грамотности переселенцев: "Особенно увеличивалась роль правовой информированности крестьянских поверенных при переселениях. Миграции значительных групп крестьян, иногда целых общин, на большие расстояния создали для этого благоприятные условия. Из источников мы видим необходимую при этом ориентацию в системе местного и центрального управле-

ния, знание ряда правовых положений, касающихся не только водворения на новом месте, но и юридических взаимоотношений со старожилами" [3, с. 151]. Приводимые далее автором два примера касаются перипетий с регистрацией переселенцев на новом месте. Оба они показывают умение крестьян обойти закон, который иначе – вследствие канцелярской волокиты – не дал бы им возможности исполнить желаемое. Таким образом, фактический материал М. М. Громыко всё-таки иллюстрирует отношения между крестьянами и государством.

Другую постановку вопроса предложил А. В. Камкин [4]. Опираясь на работы Д. И. Раскина и других своих предшественников, он находит смысл разработки темы "крестьяне и закон" в изучении крестьянского правосознания. Правосознание, по А. В. Камкину, это и знание законов, и их оценка (в том числе с точки зрения необходимых исправлений). "Правосознание отражает потребность определенного класса в правовой регламентации тех задач, которые встают перед ним как результат объективного развития его материальной жизни и общественных отношений" [4, с. 163]. Таково теоретическое осмысление. Практический же результат изучения автором крестьянских жалоб во многом повторяет результат предшественников: делается вывод о "широком использовании крестьянами государственного права как условия и орудия борьбы". Но при этом подчёркивается борьба не только против чиновников, но и "растущее сопротивление внутридеревенских сил" [4, с. 172 – 173].

Именно эта сторона дела – не замутнённая делением на "подлых" и "благородных" борьба крестьян против крестьян – видна в документах, обнаруженных нами при изучении знаменитого столыпинского переселения, по-прежнему пользующегося вниманием исследователей [5 – 7]. Крестьяне здесь используют не законодательную риторику (в обоснование просьбы к начальству) – они используют знание законов для практической (не юридической), самостоятельной борьбы за свои права. Одна сторона создаёт пути законного обхода неудобных законов, другая ищет и находит способ законного же пресечения этого обходного пути. Подобная борьба юридических тонкостей – то, что вяжется прежде всего с миром дорогих адвокатов, министерских канцелярий и акционерных обществ. Но именно это мы наблюдаем у крестьян начала XX века.

Поселение Ново-Шульбинское возникло недалеко от границы между Алтайским округом и Семипалатинской областью, менее чем в сотне вёрст на восток от Семипалатинска. Предгорья Западного Алтая – места, где земледельческие поселения возникали в основном за счёт "вольнонародной колонизации". Основные маршруты самовольных переселенцев с XVIII в. пролегали через район Демидовских заводов. Река Обь, её притоки Катунь и Бия со своими притоками вели искавших привольной жизни крестьян мимо Барнаула и Бийска далее на юг [8 – 11]. Список населённых мест Томской губ. на 1899 г. показывает Ново-Шульбинское как волостной центр, имеющий 236 дворов, 640 душ мужского и 548 – женского пола. К началу сопротивления (1909 г.) число

дворов в Ново-Шульбинской составляло полтысячи: за десятилетие село выросло вдвое.

Конфликты, связанные с переселением в Алтайский горный округ, входили в число тех происшествий, которые подлежали разбору Томского губернского управления. В его обширном фонде сохранились сведения по десяткам таких эпизодов. Среди них Ново-Шульбинский – на особом счету. Это один из немногих случаев, по которому у нас есть всесторонняя подборка документов: изложение дела переселенцами, изложение старожилами, оценка представителей власти, решение губернатора [12]. Архивное дело позволяет нам сопоставить документы, отражающие взаимоисключающие интересы. Это даёт возможность отделить несомненные утверждения от субъективных оценок или преувеличений. Впрочем, и при этих благоприятных условиях самое интересное здесь прямым текстом не сказано.

Для начала всё же перечислим факты, лежащие на поверхности. 7 ноября 1909 г. ново-шульбинские переселенцы отправили томскому губернатору жалобу на притеснения со стороны старожилов [12, л. 9 – 10 об.]. Взяв у некоторых местных крестьян землю в аренду на 3, 5 или 10 лет, переселенцы начали было строить дома прямо на арендованной пашне, но общество им это запретило ("хотя со стороны хозяев арендуемых нами земель препятствий никаких не было заявлено", – подчеркнули авторы жалобы). Тогда переселенцы перебрались в деревню: "кое-кто купил себе дом вместе с усадебным местом, кое-кто нанимает, то есть арендует чей-либо дом с усадьбой" [12, л. 9 об.]. Старожилы в ответ назначили для "нерипписных" (непричисленных) переселенцев плату в 40 руб. за "купленные ими усадебные места" и ещё по 3 руб. за голову скота.

Слова переселенцев требуют уточнения: поскольку земля в Сибири крестьянам не принадлежала, продать её они ни в коем случае не могли. В соответствующих правилах специально оговаривалось, что это касается и пашни, и покосов, и усадебных мест (Об общественных землях и угодьях государственных крестьян и инородцев в Сибири, не получивших ещё поземельного устройства. Приложение к ст. 14 Правил и положений о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казённых землях, в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества и в области Забайкальской [13, с. 392]). Очевидно, говоря о покупке, переселенцы имели в виду всё-таки покупку домов – но не на вывоз, как это часто бывало, а с оставлением на прежнем месте. Такое вполне можно представить, например, при переезде старожилов в другое место или при сокращении численности многодворных семейных кланов. В отличие от продажи, аренда предполагала расчёты старожилов в будущем ещё попользоваться сдаваемыми домами. Но и под проданными, и под сданными в аренду домами усадебная земля оставалась в распоряжении сельского общества (и в собственности Кабинета ЕИВ).

Общество не стало откладывать дело в долгий ящик: получив отказ переселенцев платить, оно передало дело в волостной суд. Получив на руки судебное решение

в свою пользу, общественники-активисты занялись изъятием имущества переселенцев в уплату долга. Переселенцы выражали возмущение и "грабежом" при взыскании долга, и теми поборами, которые привели к его появлению.

Губернское управление, как обычно, запросило сведения и мнение у крестьянского чиновника. Тот уже знал о происходящем в Ново-Шульбинском и в селение не поехал, а лишь потребовал у местных властей официальные документы. Эти документы – два приговора первой половины года и официальный ответ старосты на запрос крестьянского чиновника. В общем соглашаясь с жалобой переселенцев, они дают некоторые новые подробности.

За счёт фразы, брошенной мимоходом в приговоре от 26 июля 1909 г. [12, л. 13 – 13 об.], мы узнаём, что первый "приговор о наложении арендной платы на разночинцев" (*Крестьяне Томской губ. в начале XX в. обозначали этим словом непричисленных переселенцев, ведущих обычное крестьянское хозяйство*) был составлен ещё 22 февраля. Само это постановление уже отражает наличие некоего конфликта, который вряд ли возник на заснеженной пашне. По-видимому, приговор 22 февраля 1909 г. – это отголосок событий 1908 г., когда переселенцы уже пользовались землёй в Ново-Шульбинском. Вероятно, пользование это рассматривалось как временное; когда стало ясно, что переселенцы решили остаться, старожилы перешли в наступление.

Следующая веха в развитии столкновения – 1 июня 1909 г. Вновь собравшись на сход, ново-шульбинские старожилы постановили: "Многие жители селения свои надельные земли распродали непричисленным жителям, а потому необходимо воспретить последним на купленных землях возводить постройки" [12, л. 14]. Ясно, что и здесь глагол "распродали" означает передачу за деньги права распашки земель. Глагол "сдали в аренду" не использован, вероятно, из желания драматизировать обстановку (распродавать общественные земли – дело явно незаконное!).

Уже упомянутый приговор 26 июля примечателен тем, что в нём не просто накладываются на всех "разночинцев" платежи (с указанием имени и суммы для каждого), но сразу же предписывается и следующий шаг: "ввиду неуплаты добровольно разночинцами арендной платы, предъявить к ним в вол[остной] суд иски" [12, л. 13 об.]. Очевидно, что приговор 26 июля не выдвигает новое условие, а лишь подытоживает итоги неудачных "переговоров". После того, как стало окончательно ясно, что переселенцы отказываются платить наложенную на них в феврале "арендную плату", был составлен приговор, необходимый для более точной формализации отношений противоборствующих группировок перед лицом суда.

Как обычно в документах сельских сходов, каждый приговор открывается шаблонной формулой, задающей время и место действия. Обязательная часть открывающего шаблона – указание на наличие кворума: сколько в обществе хозяев, имеющих право голоса, и сколько из них присутствовало. Ново-Шульбинский писарь приводит вдобавок к этим числам ещё и число дворов. Сопоставление этих цифр по двум приговорам поразитель-

но. На 1 июня: 500 дворов, 450 домохозяев с правом голоса, присутствовало 300, "что составляет не менее двух третей домохозяев" (минимум, необходимый для полномочности схода). На 26 июля: 687 дворов, 687 домохозяев с правом голоса, присутствовало 450 (что, по утверждению приговора, опять-таки составляет не менее 2/3). В этих двух рядах подозрительно много круглых чисел, но грубая фальсификация приговора от 1 июня (с резким занижением действительного числа дворов ради достижения кворума) маловероятна. Приговоры сельских сходов поступали на утверждение крестьянскому начальнику; увидев неоправданные скачки численности, он наверняка вмешался бы; да и пострадавшей стороне легко было бы доказать недействительность такого приговора. Значит, в эти два месяца численность общества действительно выросла более чем на треть. Маловероятно, чтобы в каждом третьем дворе старожилов произошёл раздел. Речь должна идти о причислении новых членов. Если это так, то либо старожилы, либо переселенцы могли бы использовать это в своей риторике. Но и встречные жалобы крестьян, и документы чиновников об этом молчат. Причина этого неясна, полной уверенности в действительном расширении общества всё-таки нет. Тем не менее не исключено, что группа жалобщиков представляет интересы лишь части ново-шуйбинских переселенцев, в то время как другим удавалось причислиться к обществу.

Вернёмся к ходу разбирательства по Ново-Шуйбинскому делу. Скопировав для крестьянского начальника оба летних приговора, староста отправил их 11 декабря в сопровождении официального ответа на запрос [12, л. 11 – 12]. Кратко пересказав уже известные нам события, староста настаивал на правоте своих товарищей старожилов. При этом он заявил, что землю в аренду старожилам сдавали с условием на ней не строиться. В то же время он назвал "совершенно ложною" жалобу переселенцев о том, что общественники сломали им постройки на пахотной земле. Последнее утверждение противоречит настойчивости, с какой сам же староста несколькими строками выше утверждает наличие заблаговременного запрета на строительство. По-видимому, обе стороны здесь отдали дань хитрым формулировкам: переселенцы – назвав свои шалаши "съёмными деревянными постройками", а староста – отказав этим убогим жилищам в праве считаться постройками вообще.

Губернское управление получило эти документы от крестьянского начальника лишь в феврале следующего (1910) года. По-видимому, чиновник ждал утверждения приговоров волостного суда, которые переселенцы пытались опротестовать и в съезде крестьянских начальников, и в губернском управлении. Протест этот был unsuccessful, о чём мы знаем из рапорта крестьянского начальника. В этом рапорте [12, л. 27 – 29 об.] чиновник безоговорочно поддержал старожилов, имеющих полное право взимать плату за использование чужаками общественной земли. В начале марта 1910 г., накануне нового земледельческого сезона, губернское управление предложило Змеиногорскому уездному полицейскому управлению объявить авторам переселенческой жалобы, что жалоба отклонена, "и что если они желают избавиться от платежа полеточных

сборов, то должны обратиться к сельскому сходу о принятии их в среду общества" [12, л. 31 – 31 об.].

Уяснив канву событий, пора переходить к их подтексту. Формальный смысл, как мы видели, был связан с борьбой вокруг выпаса скота и вокруг усадебных мест. Но корень ново-шуйбинской тяжбы – вопрос о пахотной земле. Не случайно крестьянский начальник, посвятив несколько страниц своего рапорта доказательству законности и справедливости наложенных на переселенцев платежей, напоследок говорит о другом – о главном: "В заключение своих объяснений я должен заявить, что у сельских обществ, кроме обложения переселенцев полетками, нет никаких других средств противостоять наплыву переселенцев, и если признать наложение полетков незаконным, то все старожильческие селения в одно лето будут наводнены переселенцами настолько, что не останется на душу не только 15, но даже и 5 десятин" [12, л. 29 об.]. Мысль чиновника отлично вяжется и с размером "полетков". Желая проиллюстрировать дороговизну приёмных приговоров, современники говорили, что их цена доходила до 100 – 200 руб. Размер переселенческой ссуды от правительства, рассчитанной так, чтобы она позволяла "с нуля" обзавестись хозяйством (дом, корова, лошадь, плуг), составлял 165 руб. В этих условиях 40 руб. (а с учётом скота – и более 50 руб.) в качестве ежегодной платы – это, конечно, запретительная цифра. Старожилы не хотели пускать переселенцев на свои земли – и в этом суть дела.

Однако и в переселенческих, и в старожильческих жалобах на первый план выводятся другие – как будто второстепенные – вопросы. Переселенцы, описывая поборы со стороны старожилов, подразумевают чрезмерную жадность последних: "общество увидело, что если только наложить на всех неприписных жителей села Н.-Шуйбинского налог <...> то можно получить хорошую пользу" [12, л. 9 об.]. Кульминация их жалобы к губернатору – вопрос, имеют ли право старожилы требовать платы за усадьбы и "за каждую лошадь, которые никогда у нас не отлучаются в степь для пастбы, а всегда находятся дома и кормятся домашними припасами" [12, л. 10 – 10 об.]. Беспокойство старожилов вращается вокруг того, что переселенцы пользуются "скотским выпуском, а также и усадебными местами", вокруг "сухих мест, находящихся вблизи займок" (которые надо в раздел не принимать, а оставлять для общественного выгона), вокруг возведения старожилами построек на "купленных" ими землях общества [12, л. 13 – 14].

Именно эти частные вопросы оказываются в центре внимания, потому что то или иное их решение обеспечивает и решение ключевого вопроса: сохраняют ли старожилы свои привольные уголья, или переселенцам удастся обустроиться в Ново-Шуйбинском навсегда.

Казалось бы, всё просто: чтобы обустроиться по-настоящему, переселенцам надо иметь приговор общества. Общество же, достигшее минимального по сибирским меркам предела земельной обеспеченности, принимать переселенцев отказывается. Значит, в полном соответствии с законом им ничего не остаётся, как уйти. Однако переселенцы находят зацепку: используя то ли родствен-

ные связи (новые переселенцы нередко шли по стопам старых), то ли имущественное различие среди старожилов (старики, не имеющие взрослых сыновей), то ли внутреннее сибирское переселение (выезд ново-шуйбинских старожилов на новые места), они договариваются с отдельными членами общества о праве обрабатывать их землю (очевидно, за сумму гораздо меньшую, чем требует общество). Обществу на это возразить нечего: коль скоро член общины платит возложенную на него часть налогов, он имеет право и на земельный надел, а уж чьими руками он будет обработан – каждый решает сам. Использование чужого (прежде всего – переселенческого) труда для обработки своих полей – обычное дело у сибирских старожилов.

Однако наличие чужаков на общественных землях создаёт для общества опасность. Обратимся вновь к уже упоминавшимся правилам поземельного устройства крестьян в Сибири, принятым в июне 1898 г. и действовавшим на момент Ново-Шуйбинского столкновения. Правила уделяют отдельное внимание вопросу, кого считать "наличными душами мужского пола", на которые при землеустройстве отмеряется по 15 десятин. Помимо двух очевидных групп (приписанные к обществам и пока не приписанные, но уже имеющие приёмные приговоры), есть и третья: "те неприписанные, которые, имея по своему состоянию право на земельный надел [*Право на земельный надел имели люди крестьянского сословия. – Прим. авт.*], ведут в наделяемых селениях самостоятельное земледельческое хозяйство и заявят о своем желании получить надел в данном селении, если притом <...> постоянно проживают в наделяемых селениях, хотя бы временно отсутствовали из них" [14, с. 456]. Таким образом, наличие собственного хозяйства позволяло пришлым крестьянам требовать причисления их к обществу без приёмного приговора, вопреки желанию общества.

Правда, сибирское землеустройство начала XX в. проводилось не по заказам крестьян, а в соответствии с общим планом, притом однократно. Поэтому нельзя сказать, что манёвр ново-шуйбинских переселенцев гарантировал им успех. Тем не менее он как минимум создавал основу для обсуждения вопроса о причислении против воли старожилов, и последние, как видно, это понимали.

Вопрос об источнике этого понимания не имеет несомненного ответа на материалах данного дела. Но подобные дела по конфликтам 1880-х – 1890-х гг. показывают, что сибирские власти последовательно проводили принцип объективизма, сулящий старожилам неприятности. Признавая законное верховенство старожилов, власти укоряли их за то, что они разрешили переселенцам поселиться у себя, и предлагали компромиссные решения. Притом и землеустройство шло уже не первый год; не исключено, что слух о причислениях без приёмных приговоров распространился между крестьянами.

Не имея возможности отменить сделанное противной стороной, старожилы – как в мудрой сказке – создали собственное новшество, лишаящее силы манёвр противной стороны. Часть переселенцев поселилась в домах, освобождённых старожилами – и это дало обществу возможность совершенно законно взимать с них плату

за усадебное место. Однако из 59 "должников" общества, перечисленных поимённо в приговоре 26 июля, лишь 12 (судя по размерам "долга") имели усадьбы. Все прочие, следовательно, так или иначе (по родству или за деньги) пристроились жить у старожилов, "арендная плата" за усадьбы в данном случае была мимо цели. Правда, отсутствие собственной усадьбы сокращало и шансы их считаться имеющими собственное хозяйство. Но и против таких общество придумало меру – плата за содержание скота с одновременным запретом отдавать пригодные под выпас земли в раздел по участкам, то есть с установлением общественной монополии на выпасы.

При рассмотрении 15 сентября пяти исков, поданных 20 августа против 40 человек оказалось, что семеро из обвиняемых уже "выехали из селения совсем", ещё один был "не разыскан", и один платил 6 руб. добровольно. Обращает на себя внимание и разница между числом противников общества, перечисленных в приговоре от 26 июля, и числом тех, против кого были поданы иски менее чем через месяц: 59 (в т. ч. 12 – с усадьбами) против 40 (в т. ч. 4 – с усадьбами). Теоретически говоря, можно предположить, что в деле сохранился не полный набор судебных решений. Однако преимущественное сокращение числа обвиняемых с усадьбами (их доля сократилась с 1/5 до 1/10) – категории, оказавшейся на острие удара, – наводит на мысль о том, что сокращение действительно было, и треть всех пытавшихся тягаться с обществом уехала в кратчайший срок – даже до получения отказного ответа губернатора по своей жалобе. Таким образом, мера старожилов оказалась вполне действенной. Им удалось поставить надёжную преграду стремлению переселенцев закрепиться в Ново-Шуйбинском обществе.

Насколько позволяют судить обнаруженные нами материалы, Ново-Шуйбинское дело завершилось победой старожилов. Но не только победители (изначально находившиеся в более выигрышном положении за счёт поддержки законодателя), а и проигравшие проявили готовность воспринимать закон не как чуждый и недоступный монолит, а как доступное к использованию знание со многими входами и выходами.

Исчерпывающе документированное Ново-Шуйбинское дело – лишь верхушка айсберга. О гораздо большем числе подобных столкновений сохранились лишь отдельные документы. В большинстве же случаев – когда дело не доходило до разбирательств на губернском уровне – документов не сохранилось вообще. Столкновения крестьян по ходу сибирского переселения в данном случае важны для нас не как часть истории освоения отдельного (хотя бы крупного) региона, но как черта к портрету российского крестьянства.

Ясно, что навыки использования юридических тонкостей были различными и среди переселенцев, и среди старожилов. Основная масса лишь следовала тем путём, который предложили наиболее подкованные в этом отношении члены сообщества. По части готовности бороться за свои интересы в правовом поле крестьянское сообщество ничем не уступало более образованным слоям российского общества начала XX в.

Литература

1. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30 – 50-х годах XVIII века. М.: изд-во Академии наук СССР, 1958. 422 с.
2. Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1979. № 4. С. 179 – 192.
3. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
4. Камкин А. В. Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII века // История СССР. 1987. № 2. С. 163 – 173.
5. Катионов О. Н. Улалинское землеотводное дело 1899 – 1915 гг. как источник изучения взаимоотношений населения с. Увалы и властных структур // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3(19). С. 18 – 22.
6. Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: АЗБУКА, 2013. 348 с.
7. Суворова Н. Г. Крестьянское самоуправление в колонизируемом пространстве Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5(25). С. 52 – 58.
8. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1996. 276 с.
9. Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск: Наука, 1987. 268 с.
10. Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40 – 90-е годы XVIII в. Новосибирск: Наука, 1978. 206 с.
11. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.
12. Государственный архив Томской области. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 1025.
13. Свод законов Российской империи. Т. IX, особое приложение. СПб., 1912.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 18. Отд. 1. № 15539.

PLAYING THE JURAL GAME: RUSSIAN PEASANTS OF THE EARLY XX CENTURY USING LEGAL LOOPHOLES TO MAINTAIN THEIR INTERESTS (the Confrontation Between Migrants and Old Residents at Novo-Shulbinskoye Village)

Alexey K. Kirillov^{1, 2, @1}, Anastasiya G. Karavayeva^{3, @2}

¹ Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev street, Novosibirsk, Russia, 630090

² Historical Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1, Pirogova street, Novosibirsk, Russia, 630090

³ State Archive of the Tomsk Region, 78, Vodyanaya St., Tomsk, Russia, 634009

@¹ alkir.nsk@gmail.com

@² anast@post.tomica.ru

Received 11.11.2016.

Accepted 29.12.2016.

Keywords: Stolypin's Siberian migration, priemny prigovor (admission act), poletki (annual rent), peasants' sense of justice, conflicts between peasant migrants and old residents.

Abstract: The article is a contribution to studying the gap between the upper and the lower estates of the Russian society at the early XX century. In particular, peasants' perception of law is taken as the subject of the investigation. One of the striking examples of conflicts between peasant migrants and old settlers in the course of the famous "Stolypin's migration" to Siberia provides ground for this research. The authors aim at detecting peasants' readiness to defend their interests using legal loopholes to circumvent legal barriers. Documents from a file of the governor's office (*gubernskoye upravlenie*) of State archive of the Tomsk region let us have an all-round impression of the case as far as they represent views of the both struggling sides (migrants and old settlers), opinion of the local authority (*krestyansky nachalnik*) and the motivated decision of the governor's office. Compared to the legislation and to the other similar cases, these documents allow us to make out the hidden motive (old residents' wish to keep their plough-land) for the formal subject of the struggle (rent payment for the right to live in the village cottages). The facts discovered by the authors prove that the struggle over cottages was only a legally competent form for the struggle over plough-land. The result obtained corrects the currently understated evaluation of the Russian emancipated peasants' readiness to maintain their interests by legally competent methods.

For citation: Kirillov A. K., Karavayeva A. G. Igra po iuridicheskim pravilam: ispol'zovanie krest'ianami nachala XX v. iuridicheskikh tonkosteĭ v bor'be za svoi interesy (Novo-Shul'binskoe protivostoianie starozhilov s pereselentsami) [Playing the Jural Game: Russian Peasants of the Early XX Century Using Legal Loopholes to Maintain Their Interests (the Confrontation Between Migrants and Old Residents at Novo-Shulbinskoye Village)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 43 – 49. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-43-49.

References

1. Alefirenko P. K. *Krest'ianskoe dvizhenie i krest'ianskii vopros v Rossii v 30 – 50-kh godakh XVIII veka* [Peasant movement and peasant question at Russia in the 1730th – 1750th years]. Moscow: izd-vo Akademii Nauk, 1958, 422.
2. Raskin D. I. Ispol'zovanie zakonodatel'nykh aktov v krest'ianskikh chelobitnykh serediny XVIII veka (Materialy k izucheniiu obshchestvennogo soznaniia russkogo krest'ianstva) [Usage of the state laws in the peasant petitions of the mid-eighteenth century (Materials for studying public mind of the Russian peasants)]. *Istoriia SSSR = The USSR history*, no. 4 (1979): 179 – 192.
3. Gromyko M. M. *Mir russkoi derevni* [World of the Russian village]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1991, 446.
4. Kamkin A. V. Pravosoznanie gosudarstvennykh krest'ian vtoroi poloviny XVIII veka [Legal consciousness of the peasants at the second half of the XVIII century]. *Istoriia SSSR = The USSR history*, no. 2 (1987): 163 – 173.
5. Kationov O. N. Ulalinskoe zemleotvodnoe delo 1899 – 1915 gg. kak istochnik izucheniia vzaimootnoshenii naseleniia s. Ulaly i vlastnykh struktur [The Ulala land allotment file as a source for studying relations between the village Ulala inhabitants and state powers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 3(19) (2012): 18 – 22.
6. Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaia K. A. *Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khoziaistvennaia i sotsiokul'turnaia adaptatsiia* [Stolypin's migrants and the Altai district: migration, land settlement, economic, social and cultural adaptation]. Barnaul: AZBUKA, 2013, 348.
7. Suvorova N. G. Krest'ianskoe samoupravlenie v kolonizuemom prostranstve Sibiri [Peasant self-government in the colonized areas of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 5(25) (2013): 52 – 58.
8. Lipinskaia V. A. *Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX v.* [Old dwellers and migrants. The Russians at the Altai. 18th – beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka, 1996, 276.
9. Mamsik T. S. *Krest'ianskoe dvizhenie v Sibiri. Vtoraia chetvert' XIX veka* [Peasant movement at Siberia. Second half of the XIX century]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 268.
10. Mamsik T. S. *Pobegi kak sotsial'noe iavlenie. Pripisnaia derevnia Zapadnoi Sibiri v 40 – 90-e gody XVIII v.* [Escape as a social phenomenon. Attached villages of the Western Siberia at the 1740th – 1790th years of the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1978, 206.
11. Pokrovskii N. N. *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-starobriadtsev v XVIII v.* [Anti-feudal protest of the peasant old believers at the Urals and Siberia in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1974, 394.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State archive of the Tomsk region]. Found F-3, List 45, File 1025.
13. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Sainkt-Petersburg, vol. 9, special appendix (1912).
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 3-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 3th collection]. Vol. 18, part 1, no. 15539.